

В-265 н.е.

А156545

В-265-н.е.
ЗЕННБЕРГЕР.

НЕПОКОРЕН-
НАЯ ЕВРОПА.

В-265

07/10

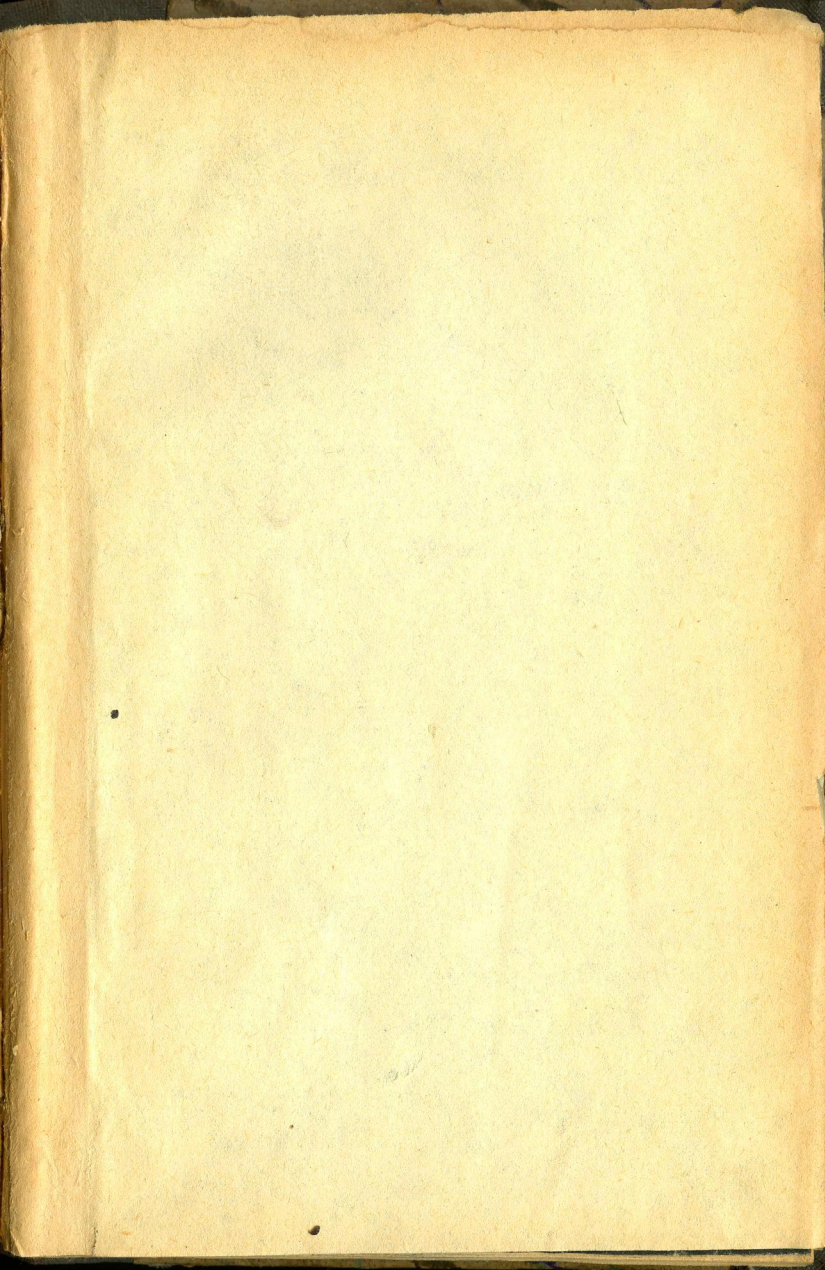
V.N. Karazin Kharkiv National University

7

00404432

B
34113

ЗОЛЬТАН
ВЕЙНБЕРГЕР

Непокоренная

ЕВРОПА

В-265

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1943

THE
FURNITURE

OF THE
HOUSE

В-265

ЗОЛЬТАН
ВЕЙНБЕРГЕР

Кепокоренная
ЕВРОПА

A156545

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

С(2) рп 28

СОДЕРЖАНИЕ

Там, где властвует Гитлер	3
Пирейский факел	9
Привидение в Варне	10
Резиновые перчатки, резиновые сапоги	13
Мчится поезд	15
Он завершил свое дело	16
Человек в белом халате	18
В будке службы сигнализации	21
Поэт идет на борьбу	23
Закон Муссолини	27
Тысяча против одного	29
Случай на спортивном празднике	31
Ценою жизни	32
Жить... жить...	34
Варшавское радио	36
Без пощады	39
Суд в Нанте	40
Три ручные гранаты	41
Тревожный слух	44
Лидице	45
Вера, белградская девушка	52
Девять отважных	59

Ивл. Ас. 3659
1946

БИБЛИОТЕКА
1950 г.

1944 A8320-44

Отв. редактор С. Андреев

Подписано к печати 29/IX 1943 г. Л28843. 2 1/8 печ. л. (2,9 уч.-изд. л.)
2000 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз. Заказ 1301. Цена 1 руб.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Центральная Научная
БИБЛИОТЕКА при ХДУ
Ивл. №

1956 г.

ТАМ, ГДЕ ВЛАСТВУЕТ ГИТЛЕР¹

ВО дворе одной из многих тысяч тюрем Гитлера, окруженном высокой каменной стеной, стоит одноэтажное серое строение, состоящее из единственной комнаты, — дом смертника. Отсюда ведут на казнь приговоренных к смерти патриотов.

Горят свечи. Их мерцающие огоньки освещают побеленную комнату дома смертника, стол, три табуретки, портрет Гитлера, двух штурмовиков и закованного в ручные и ножные кандалы приговоренного к смерти, который проводит здесь свою последнюю ночь.

Он сидит у стола и ждет.

Чего он ждет?

Никто не может прийти проститься с ним. Даже его ребенка к нему не пускают.

Но, может быть, даже лучше так. Ведь плакали бы родители, плакала жена, а ребенок испугался бы небритого лица и закованных рук отца. Лучше, если не будет у него этого грустного воспоминания. Когда он вырастет, он услы-

¹ Содержание рассказов этого сборника — действительные эпизоды из борьбы патриотов европейских стран против гитлеровской тирании. — *Автор.*

шит о своем отце, и любовью сына, своим сердцем патриота, он поймет, почему его отец умер на виселице Гитлера.

Но утро еще не скоро. Приговоренный сидит и ждет. Он наблюдает мигание свечей или, уставившись в темный угол дома смертника, вспоминает прошедшее.

Кандалы при каждом его движении звенят. Звон раздражает его, и он старается сидеть неподвижно. Склонившись над столом, подперев голову руками, он сводит последние счета с жизнью.

Жил он столько-то, умирает за родину.

Прощай, мир! Жаль расстаться с молодой и красивой жизнью, с родителями, с женой, с ребенком, с товарищами...

Утром его казнят.

Когда уже вечерело, приговоренный мог в окно дома смертника наблюдать, как ставили для него виселицу. Во двор пришли измученные рабочие из трудовых лагерей под охраной нескольких солдат-штурмовиков. Они тащили длинное толстое бревно.

— Го-рукк! — закричали они громко и бросили бревно на землю. Потом под высокой каменной стеной тюрьмы они выкопали глубокую яму и поставили в нее бревно. Бревно это ничем особенным не отличается. Только укрепленный наверху железный крюк выдает его назначение.

Немного позже рабочие принесли лестницу и табуретку и поставили их рядом с бревном.

* * *

Свечи горят. Они бросают свет на сидящих у двери солдат-штурмовиков. Пламя свечей

отражается на примкнутых к винтовкам штыках. Ночь жаркая, рубашка будто горит на теле. Приговоренный охотнее всего снял бы ее. Нельзя: руки в кандалах. Но жарко, может быть, вовсе не от тепла летней ночи, а от подавленной, побежденной боязни смерти.

Сколько можно передумать за такую длинную последнюю ночь в доме смертника! Мысли роятся. Они облетают весь мир. Но в их числе есть одна, от которой нет спасения: виселица... повешение... смерть близка...

Полночь.

Час пополуночи.

Два часа.

Где-то открывается дверь... Осужденный вздрагивает, кандалы испуганно звенят.

Идут за ним!

Но нет — это только смена часовых. «Стой! Кто идет?» — «Смена!» звучит в ночной тишине, и по этим крикам, повторяющимся каждые два часа, осужденный узнает, сколько ему осталось жить.

Приближается заря... Три часа... Четыре часа...

Стремглав бежит стрелка жизни.

Хорошо бы как-нибудь задержать ее! Хорошо хотя бы закованными руками остановить механизм часов на башне церкви, находящейся поблизости от тюрьмы. Но чем сильнее хочется задержать время, тем быстрее бежит жизнь и приближается смерть.

Последний час... Последние минуты... Последние мысли...

И патриот подытоживает всю свою жизнь. Могло бы быть так... Могло бы быть этак... Но

важно одно: он жил не напрасно, он боролся за свободу своего народа и всех народов мира.

Солнце уже светило, когда к виселице пришли три солдата-штурмовика. Они проверили, достаточно ли крепко стоит в земле столб. Потом один из них поднялся по приставленной к виселице лестнице и к железному крюку прикрепил веревку. Затем он стал репетировать, как в момент казни он наденет петлю на шею осужденного.

Потом пришло еще несколько штурмовиков, а вслед за ними несколько офицеров. С офицерами пришли женщины, которым забавно было посмотреть на казнь. Женщины и офицеры смеялись.

Казнь не начиналась. Офицеры и женщины начали проявлять нетерпение.

Вдруг все вытянулись в струнку. Даже женщины. Прибыли генерал, военный прокурор и его свита. Непосредственно перед виселицей они остановились. Какой-то писарь передал прокурору документы. Прокурор отдал приказ. Офицер и два унтер-офицера по приказу прокурора направились к дому смертника. Дверь распахнулась. Зазвенели кандалы.

Шаг... Другой... Кандалы звенят... Все взоры устремлены на дверь дома смертника.

Первым выходит офицер. За ним шагает осужденный. Он слепнет от сияющего солнечного света. Два-три шага он проходит с закрытыми глазами. Раскрыв их, он видит перед собой виселицу, палачей, смерть.

Шаг... Другой... Слышен только звон кандалов. Выпрямившись, с поднятой головой, гордо

стоит осужденный перед гитлеровскими бан-
дитами.

Стройный, красивый, черноволосый, лет два-
дцати восьми... Героический солдат, борец за
свободу. В сияющем солнечном свете, с зако-
ванными руками и ногами он стоит под висе-
лицей.

Грозная тишина предвещает смерть. Военный
прокурор оглашает приговор.

Прокурор — низкорослый, худой, слегка сгор-
бленный человек. Даже парадная гитлеровская
форма никак ему не идет. Один удар твердого
кулака коренастого осужденного мог бы стереть
его с лица земли. Но этот жалкий, низкорослый
и худой человечек имеет большую власть. Он
представляет здесь гитлеровское государство,
«новую Европу». Многим сотням патриотов
огласил он уже смертный приговор именем
Гитлера.

Осужденный спокойно выслушивает приговор.

Прокурор не спешит. Только закончив чтение
приговора, поворачивается он к генералу, ко-
торый до этого стоял, как статуя. Генерал еле
заметно кивает головой. Палачи-штурмовики
подходят к осужденному и молниеносно связы-
вают ему ноги. Теперь осужденный уже не спо-
коен на вид. Красивый, рослый, черноволосый
парень прощается с жизнью. Он громко кричит:

— Да здравствует родина!.. Долой Гитлера!..

Палачи поставили осужденного на табурет.

Он кричит:

— Долой режим фашистов-убийц!

Но все это дело секунд. Палачи хорошо
сработались. Они набрасывают петлю на шею

осужденного. Его крик — словно завещание, сделанное перед боем:

— Да здравствует Сталин!.. Да здравствует Красная Армия!.. Да здравствует свобода на... — Его голос обрывается. Он хрипит, потому что один из палачей уже выбил из-под ног осужденного табурет, а другой всей силой потянул его тело вниз, чтобы сломать ему позвоночник.

Наступила тишина.

Умер патриот.

Но еле заметно, будто еще живой, он двигается на веревке. Последним движением своей жизни он медленно склоняет голову на грудь.

Тишину нарушил начальник палачей. Как человек, хорошо сделавший свое дело, выпятив грудь, с важной осанкой подходит он к стоящему, как статуя, генералу и громко докладывает:

— Приговор приведен в исполнение.

К виселице подходит офицер в белом халате. Это врач. Он протирает очки и затем щупает пульс казненного. С часами в руках он внимательно слушает. Подчеркнуто громко он говорит:

— Смерть наступила.

И генерал, как человек, которого ничто больше не интересует, быстро уходит вместе со своей свитой. Патриотов вешают часто, и генерал всегда присутствует при этом. Он получает за присутствие деньги.

Толпа зрителей все еще на дворе. Парализующее давление страха уже прошло — они шумят, бранятся, ругают казненного патриота.

Одна из женщин не выдерживает. Она исте-

рически рыдает, визжит. Какой-то майор с моноклем, смеясь, кричит ей:

— Сударыня, будьте мужественны!

Потом опять тишина. Палачи снимают с виселицы труп и кладут его на землю. Кандалы звенят.

* * *

Так это делается везде, где властвует Гитлер.

ПИРЕЙСКИЙ ФАКЕЛ

ХЛОПОК — один из важнейших видов военного сырья. А так как в Европе хлопок растет лишь в очень немногих местах, в Германии он ценится на вес золота.

В небольшом количестве хлопок производится и в Греции. И именно потому, что это такой важный продукт и что его так мало, хлопковые поля охраняются специальными отрядами гитлеровцев, которые и отбирают весь урожай у греческих крестьян. Затем хлопок отправляется на грузовиках в порты, оттуда на пароходах в Италию, а затем его везут в Германию.

Для этой цели и прибыл в греческий порт Пирей большой морской пароход «Помпей», водоизмещением в несколько тысяч тонн. Он бросил якорь, и греческие грузчики под строжайшим контролем и охраной, подгоняемые прикладами, начали таскать в трюм парохода драгоценный груз — тысячи тонн хлопка.

Но не для Гитлера растил греческий народ хлопок на своих полях. Как ни охраняли гитле-

ровские солдаты пароход, как ни пересчитывали они беспрерывно грузчиков, один из рабочих все же как-то умудрился остаться на пароходе, и когда пароход уже опустился под тяжелым грузом, он поджег хлопок.

В Греции существует древний обычай: память великих патриотов народ празднует зажиганием факелов.

Жив ли великий патриот или умер — никто не знает. Может быть, ему удалось выплыть на берег, а, может быть, он погиб вместе с пылавшим пароходом, и тогда бушующий огнем большой итальянский пароход «Помпей» был громадным факелом, пылавшим в честь неизвестного греческого патриота.

ПРИВИДЕНИЕ В ВАРНЕ

ВАРНА — сильно укрепленный болгарский военный порт на западном побережье Черного моря. В настоящее время это один из главных опорных пунктов Гитлера на Балканах. Через Варну немцы отправляют много войск; тут же находятся мастерские, в которых собираются привезенные в разобранном виде из Германии подводные лодки. Эти лодки спускаются здесь на воду и отправляются на борьбу против Советского Союза.

В Варне много забот причиняет Гитлеру «привидение». Ученые люди утверждают, что привидений не существует. Это ошибка. В Варне привидение существует. По крайней мере, фа-

шисты его разыскивают. В поисках его они весь город переворачивают вверх дном. Не раз бывало, что на рассвете улицы были оцеплены войсками, и гитлеровские агенты, обходя каждый дом и каждую квартиру, залезали даже под кровати и заглядывали в трубы, чтобы только найти «привидение». А однажды фашисты заставили все население портового квартала выйти из домов и выстроиться на улице: тот, кто останется у себя в квартире, является «привидением» и подлежит расстрелу, — объявили они. Проверили документы, осмотрели все дома. «Привидения» не нашли. Фашисты до сих пор неустанно его разыскивают. Ведь не кто иной, как только привидение, может, когда только ему захочется, без всякого контроля и без всяких паролей проникнуть в военный порт, куда войти можно только после десятикратной проверки документов и после произнесения шопотом целого ряда секретнейших паролей.

Разве не действиям привидения следует приписать такой факт? Прибыл в порт большой транспорт с боеприпасами. Целых два дня продолжалась его разгрузка. Боеприпасы были тщательно спрятаны в подземных складах, за стальными дверями. А когда все уже было кончено, когда фашисты думали, что боеприпасы находятся, наконец, в безопасности, их вдруг неожиданно взорвали.

Когда в Варну привозятся для сборки разобранные подводные лодки и они поступают на стапеля, то хотя вокруг стапелей на каждом шагу стоит фашистский часовой, все же, как раз непосредственно перед спуском лодки в море,

внутри нее взрывается бомба замедленного действия, и подводная лодка погибает.

За короткое время «привидение» уничтожило в Варне при одних и тех же обстоятельствах три немецкие подводные лодки.

Тому, кто живым или мертвым доставит «привидение», немецкие военные власти обещали огромную награду — сумму, не уступающую стоимости подводной лодки — сотни тысяч марок. Но, несмотря на это, «привидение» неуловимо. Более того: вызывая насмехаясь над фашистами, оно подожгло даже самую мастерскую по сборке лодок. Она сгорела почти полностью, потому что «привидение» выбрало бурную ночь, а чтобы нельзя было потушить пожар, оно предварительно испортило водопровод.

Эту пилюлю фашисты уже не могли проглотить, и, чтобы избавиться от постоянной опасности, фашистские власти распорядились выселить все население даже из окрестностей военного порта. Потом установили проволочные заграждения, увеличили число часовых, придумали новые секретные пароли, еще сложнее прежних. Но привидение есть привидение, оно может свободно пройти всюду. Оно опять проникло к находившемуся в порту на ремонте миноносцу и взорвало его.

Борьба в Варне между «привидением» и фашистами продолжается и до сих пор. Напрасны все старания фашистов, напрасно и обещание крупной награды: «привидение» живет и действует, оно неуловимо, оно — это боевой дух болгарского народа.

РЕЗИНОВЫЕ ПЕРЧАТКИ, РЕЗИНОВЫЕ САПОГИ

В БУДАПЕШТЕ и в его окрестностях находятся крупнейшие военные заводы. Орудия, винтовки, боеприпасы, авиамоторы и много другого военного снаряжения производится там для Гитлера. Работе военных заводов можно и нужно воспрепятствовать. Для этого нужны только воля и решимость.

Значительной части будапештских военных заводов ток подается издалека; большинство же рабочих тех заводов, которые имеют свои собственные электростанции — например завод на острове Чепел, на котором работает сорок тысяч рабочих, — живет в 15—20 километрах от места работы; было бы достаточно приостановить трамвайное сообщение, чтобы остановились предприятия, обслуживающие Гитлера.

И вот в темное весеннее утро вдоль высоких, отмеченных знаком черепа столбов, на которых подвешены провода высокого напряжения, быстрыми шагами идет какой-то человек. Он останавливается и бросает на провод толстую медную проволоку с крючком на конце.

У этого борца за свободу на руках резиновые перчатки и резиновые сапоги на ногах. Уверенно переносит он другой конец проволоки, брошенной на провод высокого напряжения, на другую сторону улицы и бросает его на провода трамвая.

И это все:

И на улице в это пасмурное весеннее утро больше уже не темно. Исчезла и прежняя тишина.

Горит проволока, и как будто все огни ада вырвались наружу: из проводов сыплются мощные молнии, освещающие ослепительным синевато-зеленым блеском и небо, и дома, и окрестности.

В середине улицы освещенная молниями стоит женщина. На руках у нее — резиновые перчатки, на ногах — резиновые сапоги.

Но иллюминация продолжается лишь несколько мгновений. Вместе с грозно шипящими молниями из проводов высокого напряжения и из проводов трамвая вырвался и ток, и в городе с миллионным населением, как по волшебству, сразу погас свет, остановились трамваи, остановились и заводы, работающие на Гитлера.

Сбросив выдающие ее резиновые перчатки и сапоги, женщина быстро скрывается.

Такие происшествия случались в Будапеште в этом году несколько раз. Чтобы пример не оказался заразительным, в газетах каждый раз публиковались официальные сообщения о том, что произошел не саботаж, а «перебой в работе электростанции, вызванный неизвестными причинами».

Женщину в резиновых перчатках и сапогах, безымянную героиню, которая по утрам так смело рискует своей жизнью за свободу своего народа и всех народов мира, полиция Хорти так и не смогла найти.

МЧИТСЯ ПОЕЗД

НА чакторняйском участке венгерских королевских железных дорог идет поезд. Два паровоза самого последнего типа, тяжело пыхтя, тянут свой громадный груз. Подъем. Кочегары, потая, подбрасывают в топки уголь, машинисты повышают давление пара. Длинный состав с напряжением идет в гору.

Потом поезд мчится вниз, под гору. Он не нуждается больше в силе паровозов, летит все быстрее и быстрее, и колеса его грохочут все громче и громче. Вагоны этого поезда нагружены пшеницей, мясом, коноплей, льном и многим другим — всем, что рождает венгерская земля. Поезд идет в Германию, к Гитлеру. В нем едут и гитлеровские солдаты.

Поезд мчится через местность, которая как будто вымерла. Темно. Единственный источник света — это огни переднего паровоза.

Но напрасно они освещают рельсы своим блестящим светом, напрасно кочегары бросают в топку уголь, напрасно машинисты повышают давление пара, и напрасно колеса грохочут: поезд в Германию не попадет.

У одного из поворотов, где высота железнодорожной насыпи достигает трех метров, лихорадочно работает какой-то человек. Он сильно вспотел. За несколько минут он проделывает работу многих людей. Он развинчивает рельсы, потом приподнимает их с помощью железного лома.

Теперь он спокоен. Сейчас произойдет железнодорожная катастрофа. Погибнут паровозы, погибнут вагоны, нагруженные идущими в Гер-

манию товарами, а самое главное — погибнут гитлеровские солдаты.

Когда поезд с ужасающим грохотом летит под откос, неизвестный скрывается.

ОН ЗАВЕРШИЛ СВОЕ ДЕЛО

По улице, вдоль высокого каменного забора лунобергского сталелитейного завода, охраняемого вооруженными часовыми, проходит молодой человек рабочего вида. В руках у него чемодан средней величины. В этом чемодане лежит взрывчатое вещество, страшная сила которого способна разрушить целые дома. Он хочет взорвать машинное отделение электростанции лунобергского сталелитейного завода.

Эта станция дает заводу ток, она является сердцем завода. А если сердце перестанет биться, то умрет и тело: остынут печи, варящие сталь для ненавистного Гитлера, поработителя бельгийского народа.

Несмотря на сложность и опасность предприятия, молодой человек сохраняет полное спокойствие. Он проходит вдоль каменной ограды сталелитейного завода медленными шагами, как будто совершает самую обыкновенную прогулку. Оглядываясь направо и налево, ждет он подходящего момента, чтобы незаметно перелезть через ограду и проникнуть на территорию завода. Убедившись, что никто его не видит, он, как ловкий гимнаст, одним прыжком вскакивает на каменный забор и с помощью крепкой веревки втаскивает чемодан и осторожно опускает на

землю по другую сторону забора. После этого он соскакивает туда и сам.

Но в этот самый момент из-за угла улицы появляется патруль, и солдаты замечают прыгающего с забора человека. Они сейчас же хватаются за оружие, выпускают ракеты. Ракеты рассеивают вечернюю тьму, и при их ярком свете солдаты бросаются вслед за спрыгнувшим с забора человеком.

Молодой человек попал в тупик. Перед ним — освещенный ракетами завод, за ним — преследователи. Спасения нет. В мартеновских печах будут продолжать варку стали, чтобы производить танки, орудия и всякое другое оружие для Гитлера, использующего все это в борьбе против свободы народов. И все это по вине молодого человека, действовавшего, может быть, недостаточно осторожно, недостаточно предусмотрительно.

Надо действовать! Да, действовать! Ведь даже если гибель борца за свободу и неизбежна, может ли он иметь иную мысль, кроме мысли о служении своей родине до последнего вздоха? Молодой человек хочет выполнить свой долг даже ценой жизни!

Его преследуют по пятам, и осторожность больше не нужна. Стреляя в преследователей, он бежит к электростанции. Но его попытка тщетна: у машинного отделения стоит уже многочисленная охрана, через которую ему не пробиться. Он прячется в одном из складов.

Преследователи настигают его. Молодой человек защищается. Пулю за пулей посылает он в фашистов. Но фашистов много, они врываются в здание склада, и вот-вот они уже схватят мо-

лодного человека... Но тот не хочет умереть, не завершив своего дела, не выполнив своего долга борца за свободу. С чемоданом в руках он выскакивает через окно склада, подбегает к трубе электростанции, валится на землю, быстрым движением руки открывает чемодан и с последней прощальной мыслью о своей молодой жизни ударяет о запал бомбы. Кругом все озаряется ярким пламенем, и раздается страшный взрыв.

Действие взрыва было ужасным. Бомба разорвала молодого человека на куски, но она свалила и трубу электростанции.

Лунобергский сталелитейный завод перестал работать.

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

ЗАТАИВ дыхание, к виадуку винковцевской железнодорожной линии, соединяющему две части страны, подползает мужчина в белом халате. Он ползет по льду извилистой горной речки и прячется за чуть приподнятыми берегами, покрытыми снегом. Вокруг виадука стоят часовые, которые зорко всматриваются в тьму ночи и держат оружие наготове, чтобы встретить каждого приближающегося смертью.

Человек в белом халате не боится смерти. Он хочет проползти к высоко поднимающимся столбам виадука хотя бы ценой своей жизни. Он хочет взорвать виадук.

Задача трудная, предприятие отчаянное.

На спине он тащит тяжелый рюкзак, весом в пятьдесят килограммов. Этот груз сильно давит на спину и мучительно сжимает легкие. Для взрыва виадука требуется много тола, и к тому

же взрывчатое вещество уложено в стальную коробку, чтобы взрыв имел большую силу.

Что же толкает, что гонит человека в белом халате на такое опасное предприятие? Кто он? Как его зовут?

Ничего мы о нем не знаем. Не знаем, сколько ему лет и где он родился. Не знаем, есть ли у него жена, дети. Мы не знаем даже, какой он национальности, потому что виадук находится в той части Югославии, в которой живут и сербы, и хорваты, и словены, и босняки, и евреи, и венгры.

Приближаясь к своей цели, человек в белом халате начинает бояться даже дышать. Часовой, стоящий у столба виадука, может услышать малейший шум, а по его тревожному сигналу сразу же зажглись бы прожекторы, затрещали пулеметы, и приближающегося к виадуку ждала бы верная смерть. А виадук необходимо взорвать.

Необходимо!

Необходимо потому, что виадук служит делу Гитлера, потому, что он соединяет железные дороги двух частей страны, потому, что человек в белом халате хочет отплатить Гитлеру за страдания народа Югославии, за уничтоженные города и сожженные деревни, за убитых матерей и младенцев.

Он дополз до столба. У самого столба стоит часовой. Он носит форму Гитлера, в руках у него оружие Гитлера. Человек в белом халате поднимается и уверенной рукой вонзает свой кинжал в шею гитлеровского солдата. Солдат падает, не вскрикнув.

Теперь человек в белом халате дышит уже

свободнее. Но к своей работе он приступает не сразу, потому что в такой обстановке ни одно сердце не может не биться сильнее, ни одна рука не может не дрожать. Он отдыхает и только потом тщательно и осторожно распаковывает рюкзак, вынимает оттуда коробку со взрывчатым веществом и кладет ее у широкого основания столба. Затем он идет от виадука в сторону, зажигает под пальто спичку и подносит ее к шнуру.

И теперь человеку в белом халате хочется петь, свистать, потому что, убегая прочь, он видит, как огонь подползает по шнуру все ближе и ближе к виадуку. Еще несколько секунд, и тол взорвется. Виадук, соединяющий две части страны, взлетит на воздух, и шум от этого взрыва будет такой сильный, что даже в Берлине его услышат.

Человек в белом халате не успел отбежать еще даже на сто метров, как раздался страшный взрыв, и стальной виадук взлетел на воздух, чтобы тут же упасть обратно в долину железным ломом.

Человека в белом халате настигли. В неравной борьбе с преследователями он был убит.

Кто был этот борец за свободу и откуда он пришел, никто не знает до сих пор. На снимке, который поместил один из фашистских журналов, виден только человек в белом халате, лежащий на земле. Во лбу у него огнестрельная рана, одна рука все еще крепко держит оружие, а другая согнута, будто он хочет стереть ею засохшую на лице кровь.

В БУДКЕ СЛУЖБЫ СИГНАЛИЗАЦИИ

ГОРОД Плоешти — центр румынской нефтяной промышленности. Отсюда доставляется бензин для армии Гитлера. Немцы охраняют город и его окрестности, как зеницу ока.

Немцы командуют здесь и румынскими железнодорожниками. Но они не знают, что творится в их душах. А ведь достаточно одной неправильно переведенной стрелки, одного неверного сигнала, чтобы столкнуть друг с другом длинные составы с нефтяными цистернами. Кто был когда-нибудь свидетелем такого железнодорожного крушения, знает, какое это страшное зрелище. Цистерны взрываются, огонь распространяется на сотни метров, и даже в окрестности все погибает.

Но пусть стоит хоть на каждом углу Плоешти по немецкому контролеру, воля борцов за свободу победит всякие препятствия.

На железнодорожной станции Плоешти в одну из строго охраняемых будок службы сигнализации проникли два человека в масках. Они навели свои револьверы на находившихся там железнодорожников. Те испуганно подняли руки и успокоились только тогда, когда им заявили, что ничего плохого им не сделают, только свяжут их.

Когда железнодорожники были уже связаны, люди с револьверами уселись рядом с ними и начали расспрашивать об их работе. Затем они сели у телефона, посадили рядом с собой железнодорожников и стали ждать распоряжений. Вскоре зазвенел телефон. Они принимали распоряжения и выполняли их так точно и добросо-

вестно, как это делают лучшие и наиболее преданные немцам железнодорожники. Они представляли стрелки, отдавали сигналы и даже — против желания своего сердца — пропускали поезда, но только потому, что эти поезда были составлены из пустых цистерн, направлявшихся в Плоешти; люди же с револьверами ждали значительно более ценной добычи — длинного состава с горючим.

Наконец был получен сигнал о таком составе. Люди с револьверами спокойно направили его на состав с пустыми цистернами, и длинный поезд, состоящий из 34 цистерн с бензином, взорвался.

Дело, совершенное людьми с револьверами, получило впоследствии даже особое название: большой плоештинский саботаж.

А через несколько дней подобный же случай произошел в Бузау, некоторое же время спустя — опять в Плоешти. Разница между прежним и новым случаем саботажа была лишь та, что румынские железнодорожники из разосланных циркуляров были уже хорошо знакомы с людьми в масках и с револьверами: с высоким, черноволосым молодым человеком лет 25—30 и с одетым в форму железнодорожника пожилым мужчиной более низкого роста, с каштановыми волосами. Они принимали их уже как старых знакомых и даже не пугались, когда те наставляли на них свои револьверы, потому что всюду на линии Плоешти—Бузау люди уже знали, что те двое с револьверами, которые и сами, наверное, были из железнодорожников, — люди вежливые и любезные, охотно берущие на себя на время столь тяжелую и утомительную службу

диспетчеров. Одна лишь у них плохая привычка: на время своей службы они здорово связывают заменяемых ими работников. Но это ведь, в конце концов, не так уж трудно перенести!

ПОЭТ ИДЕТ НА БОРЬБУ

В ДАЧНОМ доме в окрестностях Загреба, в кабинете, стены которого заставлены книгами, у письменного стола сидит 67-летний старик с красивой головой. Перед ним — бумага и перо, но он не пишет. Он почти все время читает или же, опустив голову на руки, предается размышлениям. И так это продолжается уже несколько месяцев.

Сидящий у письменного стола пожилой человек с красивой головой — крупнейший поэт Югославии, Владимир Назор. Его книги можно найти почти в каждом югославском доме. Прекрасные стихи великого поэта о свободе и прежней славе родины с большим воодушевлением читает и стар и млад.

Поэт уже долгие месяцы не берет в руки пера, и тысячи его почитателей задают вопрос: почему Владимир Назор, этот столь плодовитый прежде поэт единой Югославии, теперь, в период тяжелейшего испытания своего народа, когда так нужны подбадривающие слова, не пишет, а отмалчивается? Почему он молчит?

Об этом же спрашивают, по совсем другим причинам, и наймиты нацистов, правительства Недича и Павелича, агенты которых все время теснятся около поэта. Они делают вид, будто они озабочены, будто они обеспокоены его здо-

ровьем. На самом же деле они обыкновенные тюремщики, приставленные к поэту в качестве охраны. Его охраняют, потому что Владимир Назор является в Югославии большой силой. О ком будет петь он, о том станут петь и в самых глухих деревушках, затерявшихся в высоких горах Югославии; кого поэт заклеит своим пламенным словом, как предателя отечества, от того, как от прокаженного, навсегда отвернется югославский народ.

Павелич и Недич, которые предали дело своего народа и разорвали свою родину на Сербию и Хорватию, охраняют поэта именно потому, что они боятся быть заклеенными. Вместо этого они хотели бы получить от Владимира Назора такие стихи, в которых он восхвалял бы лакеев Гитлера, предавших и разорвавших Югославию.

Но ни просьбы, ни угрозы не помогают. Поэт не берет в руки пера. Писать он хочет только свободно. Если этого сделать нельзя, то он предпочитает молчать. Но наймиты нацистов используют и молчание поэта, представляя дело так, будто Назор стоит на стороне предателей народа. Для этой цели они назначили его членом президиума Академии и решили выпустить собрание его сочинений роскошным 15-томным изданием.

Однако Владимир Назор даже не благодарит их за высокую награду. Вместо награды поэт хочет лишь одного — еще раз свободно обратиться к своему народу. Тогда уж он поблагодарит всех по заслугам!

Между тем поэт тяжело заболел. Заболел от горя. Его народ стал рабом. Лучшие силы

народа казнены, погублены. В стране воцарились голод, нужда, гибель.

Все это сделали с Югославией Гитлер и его наймиты. Они с огнем и мечом прошли по стране, чтобы отнять у нее свободу. И эти проклятые наймиты хотят, чтобы он, Владимир Назор, певец свободы, прославил их пагубные для страны и народа дела!

Нет! Никогда!

Наоборот! Свое сердце, свою кровь, свою силу поэт хочет вложить в великое произведение, о котором узнали бы все югославы и весь мир. В нем он призовет подавленный и униженный югославский народ к священной освободительной войне против гитлеровского рабства.

Таково было желание поэта. Для этого он хотел победить свою тяжелую болезнь, этой мыслью он хотел жить вопреки воле его охранителей, за эту идею он хотел бороться.

Тот, кто хочет, находит путь к свободе. Нашел его и поэт. После тщательной подготовки, при содействии нелегальных патриотических организаций Загреба, он отправился в далекие горы, где живут герои его народа — партизаны.

Такой путь труден даже и для молодого. Чего же стоило проделать его 67-летнему старику!

Подъем на крутые горы, спуск в глубокие долины утомляют ноги, изнуряют тело. Тысячи опасностей подстерегают путника. Но старый поэт безустали шагал по тайным тропам. Надо было спешить, и он отдыхал только тогда, когда его оставляли силы.

Поэт отправился в путь не один. Его сопро-

вождала охрана из лучших представителей югославской молодежи. Не раз с оружием в руках они пробивали для него дорогу.

После многодневных скитаний они пришли в далекие горы, туда, где героические югославские партизаны, вернувшись из победоносных боев, у пылающих костров поют песни поэта о свободе своего народа и всех народов мира.

Владимир Назор достиг цели. Весть о его приближении опередила его. Партизаны ждали поэта и приготовили ему торжественную встречу. Они пели песню, написанную им же:

Не славайтесь, товарищи верные!
Победа будет за нами...

К небесам неслась боевая песня. Ее пели тысячи партизан. Слушая ее, старый поэт был счастлив, тревога за будущее своего народа больше не мучила его. Он знал, что как бы много страданий ни перенесла его родина, не погибло и не может погибнуть дело Югославии, пока у нее есть такие сыны, как те, которые с оружием в руках окружали его.

Владимир Назор обратился к своему народу с воззванием. Поэт прочел его партизанам:

«Братья и товарищи, родные мои!

...Я бежал от рабства и позора, чтобы подышать здесь воздухом свободы и проникнуться чувством национальной чести и человеческого достоинства...

Народ мой! Вперед на борьбу! Пусть каждый город, каждая деревня, каждый семейный очаг станут крепким оплотом антигитлеровской освободительной борьбы. Пусть каждый живет и борется так, чтобы в день победы он мог ска-

зять: «Я не напрасно жил. Я не предал честь своих прадедов».

Слушая чтение поэта, партизаны стали вслух повторять вслед за ним каждое слово воззвания, как торжественную клятву. Посланцы партизан рассеялись по всей Югославии, чтобы распространить в народе зовущее к оружию обращение великого поэта.

ЗАКОН МУССОЛИНИ

Во дворе римского фашистского суда, в центре треугольника, образованного ротой чернорубашечников, стоит высокий итальянский офицер с красивым лицом и огненными глазами. Ему только что объявили смертный приговор.

Зазвучали трубы, пробили барабаны, и начальник роты чернорубашечников, совершая что-то вроде средневекового обряда, отнял у офицера саблю и сломал ее, а затем сорвал погоны — лишил его офицерского звания.

Приговоренный к смерти даже не дрогнул.

Офицер стоял гордо, с высоко поднятой головой и тогда, когда после лишения звания он сделался рядовым, и, наконец, даже тогда, когда фашистский офицер символично разорвал его армейскую форму, исключая его, как недостойного, из армии Муссолини.

После этого фашисты поставили приговоренного лицом к высокой каменной стене, чтобы казнить его. Закон Муссолини предписывает убить его в спину, как бегущего врага.

Вновь прозвучали трубы и барабаны, выступил вперед взвод чернорубашечников, и солдаты

взяли ружья наперевес. Но Муссолини, этот трусливейший из трусливых, который бежал со всех фронтов, напрасно создал свой закон: высокий красивый офицер, враг режима Муссолини, не подчинился его закону,—он не умер, как трус, спиной к фашистам. В самый последний момент приговоренный внезапно повернулся, посмотрел фашистам прямо в глаза и так, что его голос был слышен всем заключенным, воскликнул:

— Да здравствует свобода Италии и всех народов!

Он хотел крикнуть еще что-то, но не успел—грязнул залп, и он свалился на землю, истекая кровью.

Эту казнь видели приговоренные к пожизненной каторге словенские патриоты, которым впоследствии удалось бежать из каторжной тюрьмы, устроенной на острове ужасов Пантеллерии. Они рассказывают, что в это же утро должны были быть казнены находившиеся в тюрьме их товарищи, приговоренные к смерти. Забыв о предстоящей им казни, они оплакивали, как своего родного брата, этого высокого, красивого итальянского офицера-патриота с огненными глазами, который умер, как герой. Этот офицер помогал словенским партизанам и снабжал их оружием. Он учил солдат Муссолини тому, чтобы они не воевали против верного друга всех народов — против героической Красной Армии.

ТЫСЯЧА ПРОТИВ ОДНОГО

ВТИКУРИЛЛЕ, вблизи Хельсинки, стоит полу-готовая дача. Ее не достроили из-за войны. Дача не имеет ни окон, ни дверей.

В этой даче, тем не менее, живут. Какие-то неизвестные, никем не замеченные люди, осторожно работая по ночам, перестроили под жилье ее подвал.

Жильцы приходили только по ночам, потому что они скрывались от полиции. Это были люди, за головы которых была назначена награда, их усердно разыскивала полиция Маннергейма. И вот, может быть, по следам капель крови какого-нибудь из борцов за свободу, возвратившегося раненым после удачно совершенного акта саботажа, псы Маннергейма обнаружили убежище и окружили его.

Полицейские хотели проникнуть в него, но были встречены выстрелами и не сумели даже близко подойти к домику. Начальник полиции, пресловутый Рудольф Хагман, в полной уверенности, что им окружена большая группа финских борцов за свободу, попросил подкрепления для осады. И скоро на автомобилях и по железной дороге прибыли новые полицейские части. А на самом деле в даче был один единственный человек, так как остальные «жильцы» случайно в эту ночь не пришли. В разгар борьбы он нашел время и возможность собрать и сжечь на костре все то, что могло бы навести полицию на следы подпольной организации.

Неравная борьба длилась несколько часов. Трещали винтовки и пулеметы, шел настоящий бой. Даже железнодорожное движение на про-

ходящей мимо линии приостановилось, потому что полицейские заняли позиции как раз вдоль железнодорожной насыпи.

У защитника дачи кончались боеприпасы, и он попытался бежать. Его встретил залп. Он был поражен сразу несколькими пулями и упал. Но и тогда еще не сдался. Он укрылся в одной из канав, продолжая стрелять, и уложил еще несколько фашистов. Ему удалось пристрелить даже Рудольфа Хагмана.

Но это был его последний выстрел. Он был сражен новыми пулями и, ослабленный потерей крови, уронил оружие из рук. Только тогда полицейские смогли приблизиться к нему. Они топтали умирающего героя, они изуродовали его лицо.

Потом полицейские ворвались в дачу. С оружием в руках, пугаясь даже своей собственной тени, искали они остальных защитников или, по крайней мере, их трупы. Но они не нашли никого. И не могли найти, потому что тысяча кровавых псов Маннергейма вела бой против одного единственного человека.

Сначала полицейские не могли установить личность убитого, так как ни в его карманах, ни в даче никаких бумаг не оказалось. Но потом по отпечаткам пальцев было установлено, что неизвестный, сражавшийся против тысячи полицейских, был Пейко Пеусти, родившийся в 1909 году, три раза сидевший в разных тюрьмах Маннергейма и проведенный в них в общей сложности около восьми лет за то, что с неустанной волей боролся за свободу своего народа.

СЛУЧАЙ НА СПОРТИВНОМ ПРАЗДНИКЕ

НЕДАЛЕКО от Загреба расположен городок Огулин. В районе этого городка сейчас действуют объединенные отряды сербских и хорватских партизан. Именно от этих партизан удрал из Загреба в Банья-Лука назначенный Гитлером главой хорватского государства самозванный «генерал» Павелич.

Городок Огулин превращен в укрепленный военный лагерь. Там стоят немецкие и итальянские оккупанты, а также войска Павелича, состоящие из предателей-ушастей. Отсюда они отправляются разорять и убивать сербов, героически защищающих свою свободу. Солдаты немецких и итальянских оккупационных войск и проходимцы из павеличских банд вместе грабят и убивают сербов, вместе безобразничают, вместе пируют. Недавно они устроили сообща спортивный праздник.

Гвоздем спортивного праздника был футбольный матч. Фашистские футболисты состязались с командой из банд Павелича. В качестве судьи обе команды пригласили немецкого офицера.

Но какой же спортивный праздник без зрителей? И особым приказом население Огулина согнали на стадион. Клика Павелича хотела показать немецким и итальянским генералам, что «народ» с ней.

Играл военный оркестр, били барабаны, команды прошли церемониальным маршем по арене. Звучал свисток судьи, мяч летал по стадиону, забивались голы. Все шло своим порядком. Не было только аплодисментов публики. Зрители сидели на трибунах безучастно, молча,

как будто это был не спортивный праздник, а траурное собрание. Ни одна из соревнующихся команд — ни итальянцы, ни усташи — не имела, повидимому, в толпе зрителей своих «болельщиков».

Вдруг мяч оказался за пределами поля. Судья дал свисток и распорядился о штрафном ударе. Футболисты насторожились и приготовились немедленно броситься за мячом. Судья уже поднес свисток к губам, чтобы дать сигнал для удара, как вдруг кто-то опередил его, и раздался пронзительный свист, но не судейского свистка, — кто-то свистел с помощью двух пальцев. Свист этот хорошо знаком и итальянским и немецким оккупантам: так свистят партизаны, давая сигнал к началу атаки. Партизаны действительно оказались здесь, среди зрителей. Оккупанты немедленно убедились в этом: меткий выстрел уложил судью, затем свалилось шесть футболистов и несколько офицеров из числа зрителей.

Не предусмотренный программой номер спортивного праздника продолжался недолго. Партизаны разгромили собравшихся на стадионе оккупантов и вновь скрылись из города.

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

БЛЕСК Парижа давно принадлежит вчерашнему дню. Нег больше прежней веселой жизни. Большие и блестящие магазины пусты, в них почти ничего нельзя купить.

Длинный хвост тянется по улице Сэн-Мишель. Это большая толпа ожидающих хлеба.

За порядком следит группа немецких и французских полицейских. Полицейским есть за чем следить. В такой толпе разговоры ведутся обо всем: о Гитлере, о Лавале, о Петэне. Из-за них Франция находится в трауре и нищете. В очередях люди ругают их с горячей ненавистью.

В очереди стоят три комсомольца. Они не за хлебом. В карманах у них по револьверу. Они следят за девушкой, которая незаметно обходит ряды и украдкой перекладывает экземпляры газеты из своего портфеля в корзины ожидающих. Газета стоит несколько сантимов, но почти все платят больше. Парижане прекрасно знают, что издание «Юманите» обходится теперь дорого.

«Юманите» — газета французского народа. Она издается в строжайшей тайне. За ее распространение во Франции Гитлера-Лавалья-Петэна полагается смерть.

Но девушка раздает газету осторожно. Стоящие в очереди тоже осторожны. Когда полицейские поворачиваются к ним, они делают вид, будто у них нет других забот, кроме получения полагающихся по карточке ста граммов хлеба.

Но не все французы оказываются французами. Среди них есть предатели, нацистские наемники. Один из них затесался в очередь. Он сыщик. Он прислушивается к разговорам. Минута, другая... Вот он заметил девушку, продающую газету. Вот он уже подошел, чтобы арестовать ее. В длинном хвосте вмиг нарушается порядок. Толпа защищает юную патриотку. Вступились за нее и товарищи, комсомольцы. Они решительно и уверенно действовали оружием и, уничтожив сыщика, спасли девушку. Потом все вместе бросились бежать. Хотели повернуть в

переулок, но немецкие и французские полицейские преследовали их. Комсомольцы защищались. Когда преследователи подошли к ним уже совсем близко, они скрылись в подворотне одного из домов и, отстреливаясь, задержали преследователей. Последним под воротами остался молодой комсомолец. Оружие его действовало безотказно и метко посылало смерть врагам. Два немецких полицейских и один французский пали от его пуль. Так он защищал своих товарищей, которым удалось уже далеко уйти. Потом комсомолец хотел бежать и сам, но не успел. Пуля пробила ему грудь. Рана была смертельной.

Ценою жизни молодой патриот защитил своих товарищей и боевую газету французского народа «Юманите», газету, которая изо дня в день провозглашает свой призыв:

«Французы, к оружию!»

ЖИТЬ... ЖИТЬ...

ПО одной из варшавских улиц мчится большой немецкий армейский автобус. В нем сидят двадцать три польских патриота со связанными руками и девять вооруженных до зубов солдат гестапо.

Двенадцать часов дня. Улицы Варшавы в это время очень оживленны. Мужчин, женщин и детей — масса. Они гуляют или спешат по своим делам.

Через решетчатые окна автобуса польские патриоты прощаются с варшавской улицей, с солнцем и со светом. Этот путь для них послед-

ний. Жизнь для них кончается. Их везут на казнь в пресловутый «Павиак» — варшавскую тюрьму. Двадцать три патриота приготовились умереть, как герои, но ведь они тоже только люди из плоти и крови, и сейчас, проезжая по залитой лучами солнца варшавской улице, выглядывая в окно автобуса, они думают о том, как было бы прекрасно, если бы в результате какого-нибудь невероятного чуда они могли остаться в живых и продолжать свою борьбу.

Но этого не может быть: каждый поворот колес приближает их к смерти. Автобус мчится по знакомой дороге. Он проделывает этот же самый путь каждый день, в один и тот же час. Поэтому его и называли «автобусом смерти», и поэтому варшавяне с ужасом смотрят ему вслед. Но в этот раз автобус не привезет людей на казнь.

У ворот одного из домов стоит польский патриот-снайпер. Он целится. Недалеко от него целится второй снайпер.

Первый снайпер выстрелил. Раздался сильный треск. Снайпер прострелил камеру. Шофер резко затормозил, и автобус остановился. Шофер и сидящий рядом с ним офицер выскочили из кабины. Со всех сторон их окружает толпа народа. Но это не были простые прохожие, которые гуляют или спешат по своим делам. По команде эти люди вынимают револьверы и стреляют по девяти палачам гестапо, которые были так ошеломлены неожиданным нападением, что им даже в голову не пришло защищаться.

И вот то невероятное чудо, на которое тайком надеялись осужденные на смерть, чудо, о котором они мечтали, как о чем-то сверхъесте-

ственном, свершилось: они остались в живых, а те, кто сеял смерть, были истреблены, как бешеные собаки.

Партизанская пуля сразила, к сожалению, и одного из приговоренных к смерти патриотов.

Недавние смертники уже бегут по варшавским улицам. Сейчас они укроются в заранее подготовленных их освободителями убежищах.

ВАРШАВСКОЕ РАДИО

ТРЕТЬЕ мая — национальный праздник Польши. Немцы объявили, что за празднование этого дня полагается смерть.

Как и все польские города, Варшава в этот день была похожа на город на осадном положении. Гитлеровских жандармов на улицах было больше, чем обычно; на главных магистралях стояли эсэсовские отряды; взад и вперед по городу целый день мчались бронированные автомобили со свастикой, снабженные пулеметами и пушками.

Но Варшава все-таки праздновала.

Патриоты еще на рассвете расклеили на стенах плакаты, разбросали листовки, а позже, когда улицы оживились, мальчишки-газетчики тысячами продавали нелегальные газеты, писавшие о значении национального праздника.

Выполнить эту рискованную задачу могли именно только дети, потому что продажа газет является в Варшаве вообще детской профессией, да и кто же из немцев мог подумать, что некоторые из многих сотен газетчиков носят в своих

сумках два издания газеты «Новый курьер варшавский»?

Но юным газетчикам приходилось очень осторожно и тщательно присматриваться к своим покупателям, чтобы различить, кому нужно продать гитлеровское издание «Новый курьер варшавский», а кому патриотическое. Один из юных газетчиков по неосторожности продал патриотическую газету немецкому шпиону. Мальчика сразу же арестовали эсэсовские бандиты и тут же повесили на ближайшем телеграфном столбе. Несколько позже рядом с мальчиком повесили и его отца, который громко проклинал гитлеровских палачей.

Так начался в этом году польский национальный праздник в Варшаве.

Казни бывают в Варшаве повседневно. Но все же, когда по городу разошлась весть об этом новом страшном злодеянии гитлеровцев, население Варшавы хлынуло на площадь. Сжав кулаки, с ненавистью в сердцах варшавяне молча смотрели на жертвы фашистов.

На том же столбе, на котором палачи повесили отца и сына, был прикреплен и громкоговоритель, который передавал сообщения варшавского радио, целый день вызываяще восхвалявшего Гитлера и его банду.

Слушая фашистское радио, варшавяне думали о том, скоро ли наступит конец этому морю страданий, постигнутому польский народ, скоро ли настанет день воскресения нации и ее свободы, скоро ли украденное у польского народа радио будет вновь передавать вместо похвал гнусному режиму Гитлера подлинную патриотическую польскую речь?..

Но вдруг толпа вздрогнула. Варшавяне не верили своим ушам. Это было совсем невероятно!.. Гитлеровская передача прекратилась, и вместо нее варшавское радио начало транслировать патриотическую передачу!

«Судьба твоя, польский народ, в твоих же руках, — провозгласил звонкий, как сталь, мужской голос. — Прошло время пассивного ожидания. Блестящие результаты зимней кампании Красной Армии, беспримерная сталинградская победа и африканские успехи союзников создали предпосылки победы. К оружию, польский народ! Костюшко и все великие польские патриоты зовут тебя на бой. Вперед, за свободу и независимость Польши! С нами правда, с нами все свободолюбивые народы! За нами победа!»

Да, так говорило варшавское радио. Потом прозвучал польский гимн. Звуки его раздавались не только из рупора громкоговорителя, — его пело уже все население Варшавы, которое, вопреки гитлеровским жандармам, эсэсовцам и бронированным автомобилям со свастикой, организовало демонстрацию против Гитлера, за польскую свободу. Толпа демонстрировала и перед трупами повешенных отца и сына, давая священную клятву, что польский народ отплатит Гитлеру и его банде за свои слезы и за свой траур, за унижение и рабство, за сожженные города и деревни, за сотни тысяч казненных польских патриотов.

Это случилось в Варшаве 3 мая 1943 года, в 6 часов вечера, в день запрещенного национального праздника. День начался грустно, но он сделался настоящим праздничным днем. Население Варшавы и вся Польша обязаны этим заме-

чательным праздником безымянным героям, которые, стократно рискуя жизнью, включили тайную радиостанцию польских патриотов в провода варшавской радиосети.

БЕЗ ПОЩАДЫ

ВЗДАНИИ полицейского управления города Осло работают сотни агентов гестапо, расстрелами и концлагерями пытающиеся сломить освободительную борьбу норвежского народа. Во дворе этого полицейского управления только за последние недели был казнен сто один норвежский патриот. Они умерли с поднятой головой, смертью героев. Они умерли с глубокой верой в то, что близится час расплаты.

23 августа 1942 года, около полуночи, телефонная связь между полицейским управлением и городом была прервана. Это был акт саботажа. Руководитель гестапо тотчас же распорядился срочно устранить повреждение.

Вскоре после этого в полицейское управление явились два монтера. Они быстро исправили телефон. Эти «монтеры», якобы присланные с центральной телефонной станции, были норвежские патриоты — Сигурд Гансен и Олаф Христиансен. Они установили бомбу в комнате одного из руководителей норвежского гестапо. Как только будет снята трубка, последует взрыв.

По случайному стечению обстоятельств тем временем появились монтеры, присланные с телефонной станции. Гансен и Христиансен были в здании полиции арестованы. Агенты гестапо

пытали их и хотели добиться признания: зачем они пробрались в здание полиции?

Сигурд Гансен и Олаф Христиансен, несмотря на жестокие пытки, упорно заявляли, что они пришли для починки телефона.

Начальник гестапо распорядился отложить дело до следующего утра. Патриоты спокойно ждали. Они были спокойны, несмотря на то, что в комнате начальника норвежского гестапо находилась установленная ими бомба, которая должна была взорваться, как только он поднимет телефонную трубку. Они уверенно ждали взрыва, который будет стоить им жизни.

Раздался телефонный звонок. Начальник гестапо снял трубку. Бомба сделала свое дело. Вместе с начальником гестапо погибло много других фашистов.

Борцы за свободу остались в живых. Сигурда Гансена и Олафа Христиансена приговорили к смертной казни. Когда их расстреливали во дворе полицейского управления, они гордо смотрели в глаза фашистским палачам.

СУД В НАНТЕ

ИЗ тюрьмы города Нанта часовые привели в здание суда подсудимого. Его судили за то, что он боролся за свободу Франции. Подсудимый не защищался. Он бросил судьям прямо в лицо: «Народ Франции ненавидит и презирает вас».

После оглашения смертного приговора осужденного под сильной охраной повели из зала. Ему не разрешили проститься с присутствовав-

шими на судебном заседании женой и маленьким ребенком. Приговоренный к смерти, он держался гордо. Он хотел умереть героем, как подobaет патриоту, борцу за свободу своей страны.

В зале заседания суда было много народа. Но никто не произнес ни одного слова.

Между тем осужденный приближался к выходу. Его шаги громко отдавались в зале суда. В эти минуты в зале шантского суда было тихо, как перед грозой. Но вот из толпы вышли молодые люди с револьверами в руках. Они застрелили председателя шантского кровавого суда, перестреляли напуганных неожиданным нападением охранников и освободили патриота, приговоренного петэновцами к смерти. Молодые люди вместе с ликующей публикой выбежали в коридор и исчезли на улицах Нанта. В зале шантского суда остались только трупы судьи и охранников.

ТРИ РУЧНЫЕ ГРАНАТЫ

НЕМЕЦКИЙ полковник ждал девушку уже не в первый раз. Но сегодня он ждал ее с особым нетерпением: девушка дала полковнику обещание, что сегодня отдастся ему. За деньги и за драгоценности, так же как и все другие, которые торгуют своим телом.

Да, девушка дала такое обещание. А ведь она так молода и так красива. Кто мог бы подумать, что в этой девушке с чистыми глазами живет душа уличных девок?

Куда может повести немецкий полковник в Париже продажную девушку, как не в шантан

«Грилль», в этот закрытый публичный дом немецкого высшего офицерства?

Обстановка в «Грилле» блестящая и роскошная. Зал всегда битком набит. Вокруг столов сидят исключительно офицеры высших рангов, начиная с майора и выше.

Офицеры пьянствуют. Высоко поднимая бокалы с шампанским и звеня шпорами, они стоя пьют за здоровье Гитлера и за победу фашистов.

Как же немецким высшим офицерам не пить за здоровье Гитлера? Ведь только ему, своему фюреру, они обязаны тем, что теперь вся Франция, со всеми ее сокровищами, принадлежит им. Им принадлежат и девушки Франции.

Полковник обнимает девушку и часто поднимает свой бокал. Девушка тоже пьет.

Но вот после одного из бокалов девушка раскрывает свой красивый ридикюль, который она все время держала около себя, вынимает оттуда ручную гранату и с полным спокойствием бросает ее в ту часть зала, где больше всего скопилось гитлеровских офицеров. Потом она бросает в офицерскую толпу вторую гранату, а затем и третью.

В зале поднимается страшный хаос. Кутеж прерывается. Зал наполняется воплями раненых. Молчат только те, кто никогда больше не будет ни кутить, ни воевать, — семнадцать гитлеровских офицеров высокого ранга.

Девушка пыталась бежать, но полковник, который только что целовал ее, ударил ее по голове бутылкой шампанского, и девушка упала без сознания.

Когда она пришла в себя, ее повели на допрос. Палачи особенно старались узнать ее фамилию, но девушка не назвала себя даже тогда, когда ее подвергли страшным пыткам.

В царстве Гитлера закон: если в руки гестапо попал борец за свободу, фашисты привлекают к ответственности и казнят всех ближайших родственников и друзей виновного. Вот почему девушка скрыла свою фамилию, вот почему она утром тщательно удалила даже монограмму со своей рубашки, чтобы она не могла навести фашистов на след.

Да, так рождаются герои. Французская девушка с неизвестной фамилией, как истинный герой, предстала на другой день перед кровавым судом Гитлера, и, как истинный герой, как верная дочь своего народа, умерла она, сраженная пулями фашистских палачей.

Вскоре подпольная газета французской молодежи писала:

«Отважная дочь Франции, мы прощаемся с тобой! Французский народ не знает твоего имени, но он никогда не забудет твоего великого подвига, и когда вновь засветит солнце свободы — а это будет теперь уже скоро, — родина твоя золотыми буквами напишет на граните о твоём подвиге, о том, как ты пожертвовала своей жизнью за свободу Франции и всех народов».

ТРЕВОЖНЫЙ СЛУХ

ЕДИНСТВЕННЫЙ военный завод маленькой Албании в городе Тиране производил порох и боеприпасы. После оккупации Албании завод попал в руки итальянских фашистов и стал работать на оккупантов. Но албанцы — народ храбрый, и свою маленькую гористую родину они любят так крепко, как будто она самая большая и самая богатая из всех стран мира. Единственный свой военный завод албанский народ построил многолетним трудом и, конечно, не для того, чтобы он работал на Гитлера.

И фашистская охрана не помогла. Однажды утром с завода сбежали все рабочие. Окрестности завода тоже были покинуты населением. Только фашисты остались. Они разыскивали распространителей тревожных слухов, тех, кто первым сбежал с завода, кто первым покинул его окрестности. Их собирались примерно наказать — повесить на рыночной площади города Тираны.

Но «тревожный слух» оказался не тревожным слухом, а хорошо спрятанной бомбой замедленного действия, от которой, в точно намеченный заранее час, взлетел на воздух единственный военный завод Албании. Вместе с ним взлетели на воздух и фашисты, не верившие тревожным слухам. Их погибло свыше двухсот человек.

Теперь оккупанты разыскивали уже не распространителей тревожных слухов, а тех, кто заложил бомбу замедленного действия. Они обещали золотые горы, землю и деньги тому, кто доставит виновника взрыва в их руки, чтобы повесить его на приготовленной заранее висе-

лице на рыночной площади города Тираны. Но имя покушавшегося до сих пор никому неизвестно, потому что албанцы, когда они говорят о нем, — говорят же они о нем очень часто, — называют его просто «безымянным албанским патриотом, взорвавшим тиранский военный завод».

ЛИДИЦЕ

27 МАЯ 1942 года, в 10 часов 20 минут утра, из пражского замка, знаменитого древнего Градчина, вышли три большие автомашины. В них сидели одетые по форме фашисты. Они охраняли высокопоставленную особу, ехавшую в одной из машин.

В момент выхода автомобилей зазвонил телефон. Это чешские патриоты из пражского замка сообщали своим товарищам об отправлении машин. Они готовили покушение.

На пражско-берлинской автостраде мало встречалось не только автомобилей, но и пешеходов. Но перед улицей Штросмайера машинам все же пришлось вдруг замедлить ход. Двое велосипедистов так беззаботно ехали посередине дороги, словно она только для них и существовала.

Еще издали зазвучала сирена. Ее многоголось, оглушительный рев возвещал, что приближается гестаповская машина, что надо немедленно освободить дорогу, остановить все движение. Велосипедисты быстро соскочили с машин и остановились у обочины шоссе на расстоянии восьми-десяти метров друг от друга. Но как

только первый автомобиль промчался мимо велосипедистов, один из них размеренным броском швырнул под колеса приближавшегося второго автомобиля свой портфель.

Раздался оглушительный взрыв. Бомба разворотила всю заднюю часть машины. Поврежденный автомобиль остановился посередине дороги. Второй велосипедист быстро выхватил из кармана револьвер и, стоя у самой машины, в упор выпустил несколько пуль в раненного взрывом пассажира, охранявшегося гитлеровцами.

Так был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный чешским народом заместителю начальника гестапо Гейдриху — душеителю Чехии, самому верному и надежному слуге Гитлера.

Покушавшиеся бежали. Однако один из них так неудачно сел на свою машину, что велосипед упал и сломался. Тогда товарищ быстро подхватил его, посадил перед собой на раму велосипеда, и они скрылись. Немногочисленные прохожие разбежались, и автострада опустела.

Все это произошло в несколько мгновений. События развернулись с такой быстротой, что пока подоспела третья, несколько отставшая машина, ее пассажиры увидели на дороге только исковерканный автомобиль, сломанный велосипед, убитого шофера и смертельно раненного Гейдриха.

* * *

В 6 часов вечера пражская радиостанция прервала свою обычную программу. Она передала приказ гестапо. В Чехии было объявлено осадное положение. Все кино, театры, магазины

должны были немедленно закрыться. С 9 часов вечера и до 10 часов утра никому не разрешалось появляться на улице. В приказе говорилось также, что тот, у кого будет найдено оружие или у кого будет обнаружен непрописанный жилец, будет казнен вместе со всей семьей.

Прага уже не раз переживала тяжелые дни. Пережила она зверства и расправу, которые немцы чинили при своем вступлении в Прагу, и ту ночь, когда было арестовано 5 тысяч студентов — цвет чешской молодежи; 250 студентов были казнены. Пережила Прага и то время, когда Гейдрих, взяв в Чехословакии власть в свои руки, стал сотнями истреблять лучших сынов чешского народа.

Пережил этот многострадальный город и ночь, последовавшую за покушением на Гейдриха. Всю эту ночь по городу разъезжали машины гестапо с воющими сиренами. Кровавые гестаповские палачи брали заложников. Десятками казнили они чешских патриотов. Убивали детей, женщин, целые семьи.

Но связанный по рукам и ногам, закабаленный чешский народ молча переносил эти страдания. Он гордился своими мстителями. Расправа над палачом Гейдрихом вселила в чехов надежду на лучшее будущее. Покушавшиеся явились вестниками возмездия, вестниками грядущего освобождения Чехии.

Фашисты объявили награду в 10 миллионов чешских крон тому, кто наведет их на след. Но предателей не нашлось. Немцы повысили награду до 20 миллионов чешских крон. Это огромные деньги: на них можно купить дома, виллы, целые городские кварталы. Но иуды-предателя так и

не нашлось. Чешский народ скрыл от фашистских бандитов, спрятал своих героев, уничтоживших гитлеровскую собаку Гейдриха.

Боевой дух Жижки, Гуса, дух героического чешского народа воплотился в отважном, самоотверженном, героическом поступке двух неизвестных молодых патриотов.

* * *

В тридцати километрах от Праги, у дороги Кладно—Рожице, лежит село Лидице. По последней переписи в нем было 483 жителя. Это один из горняцких поселков крупного Кладненского горнопромышленного района. Живут в нем стойкие, сознательные горнорабочие.

Кладно — цитадель чешского рабочего движения, цитадель освободительного движения чешского народа.

Кладно — символ непримиримости чешского народа.

Лидице было одним из самых крепких оплотов Кладно в его сопротивлении немецким насилиникам. И вот с этим поселком фашистские изверги решили расправиться в отместку за смерть Гейдриха.

На четвертую ночь после покушения на Гейдриха фашистские войска оцепили Лидице. Фашистские отряды ходили из дома в дом, переворачивая и перетряхивая все.

Фашисты мучили население деревни. Они никого не щадили. Ребенок, женщина, мужчина — им было все равно. Они хотели показать устрашающий пример. Хотели расправиться с Лидице так, чтобы вся Чехия застонала.

Наутро всех жителей Лидице согнали на площадь, к дому, где помещалось местное самоуправление. Там были все — от только что родившегося младенца до дряхлых стариков и старух. Были там и больные и умирающие. Фашисты с винтовками в руках окружили собравшихся.

Был прекрасный солнечный день. Чистенькие, приветливые домики поселка были залиты яркими лучами солнца. Но деревня казалась вымершей. Над ней нависло гробовое молчание. Жители Лидице, согнанные на площадь, ждали решения своей судьбы.

Ровно в 10 часов утра прозвучала труба. Прибыл начальник гестапо в Чехии. Он передал своему адъютанту запечатанный пакет, в котором был приказ Гитлера. Вот что гласил этот кровавый приказ:

«Чтобы преподать устрашающий пример, признать поголовно всех жителей Лидице ответственными за вину чешского народа — за покушение на Гейдриха. Всех жителей деревни — мужчин старше 14 лет казнить, женщин заключить в концлагерь пожизненно, детей направить в воспитательные учреждения с особым режимом. Дома в деревне сровнять с землей и самое название «Лидице» изъять из всех списков. На милость могут рассчитывать только те жители Лидице, которые не позднее чем через два часа сообщат сведения о людях, покушавшихся на Гейдриха, или сведения об организации, которая их послала».

После оглашения приказа начальник гестапо вынул часы. Он сверил их с часами начальника

воинского отряда. В этот момент все в Лидице обратили взоры в сторону колокольни. Часы на колокольне показывали 10 часов 10 минут.

На площади воцарилась мертвая тишина. В каком-то жутком оцепенении все прощались друг с другом — мужья с женами, отцы и матери с детьми. Прощались братья, родные, друзья, соседи. Прощались с людьми, с домом, с родными местами, со всем и со всеми.

Старый деревенский учитель запел погребальную песнь. И жители Лидице подхватили похоронный гимн. Он звучал все громче и громче. Его потом слышали в Кладно, в Чехии, во всем мире.

Песня терзала сердце. Зарыдали женщины, громко заплакали испуганные дети. Они цеплялись за отцов, за матерей, обнимали, целовали их. Даже маленькие дети, и те поняли, какая страшная судьба постигла их родителей, их самих.

Среди обреченных на казнь были и четырнадцатилетние мальчишки. Они не плакали. Приказом Гитлера они были причислены к мужчинам. И действительно, мужчинами стали эти мальчуганы, но не по приказу палача, а силой примера своих братьев и отцов, волей своего храброго сердца. Эта воля сделала их героями освободительной борьбы чешского народа.

* * *

Чем страшнее судьба, тем скорее бежит время. Последняя минута последнего часа приближалась неудержимо...

12 часов... 12 часов 04 минуты... 12 часов

07 минут... Прошло ровно два часа с момента объявления приказа.

Прозвучала труба, раздались слова команды. Фашистские солдаты, как бездушные машины, ворвались в толпу и стали ее сортировать: мужчин отгоняли в одну сторону, женщин и детей — в другую. Вот они, мужья и жены, отцы и дети, братья и сестры, матери и сыновья, уже стоят друг против друга и, прощаясь, машут руками.

Снова прозвучала труба, снова послышалась команда. Не знающие жалости фашистские изверги стали вырывать из рук матерей их маленьких ребят.

Прозвучал новый приказ, и, бросив на родных свой последний любящий взгляд, мужчины, жители деревни Лидице, молча пошли на смерть. Среди них был отец, который, высоко подняв голову, твердым шагом шел вместе со своими пятью сыновьями.

После этого в одну сторону повели на вечное заточение плачущих матерей, а в другую сторону — их детишек.

Так с площади в разные стороны направились три печальные шествия.

Самым трагическим из всех было последнее. Взявшись за руки, маленькие дети с горьким плачем, под конвоем вооруженных до зубов фашистов, шли навстречу горькой сиротской доле.

Мужчины еще не дошли до кладбища, где их должны были казнить, женщины еще не вышли на шоссе, когда ярким пламенем загорелась деревня Лидице. Языки огня осветили множество фабричных труб в Кладно, осветили всю Чехию, весь мир.

Так погибли жители Лидице, так дотла сго-

рела деревня. Тракторными плугами распахали даже то место, где она стояла. И следа не осталось от Лидице.

Но нет, Лидице не погибла! Лидице стала знаменем, под которым идут на штурм борющиеся за свободу народы всех наций.

Лидице будет построена снова. Она возродится к новой жизни на свободной чешской земле.

Смерть и проклятье немецким извергам!

Слава о героических жителях деревни Лидице никогда не померкнет в сердцах свободолюбивого человечества всего мира.

ВЕРА, БЕЛГРАДСКАЯ ДЕВУШКА

АЛЕКСАНДРОВСКУЮ улицу в Белграде фашисты переименовали в улицу Гитлера. Здесь находится гимназия. Собственно, была гимназия, ибо «зачем сербам школа?» — говорят фашисты, и военный комендант Белграда, немецкий подполковник Густав Грабер, выгнав учителей и учащихся, устроил в здании гимназии в числе ряда других канцелярий также и бюро по делам заложников. На улице Гитлера всегдалюдно. Снуют взад и вперед автомобили, а вокруг здания стоят фашистские посты из отборных эсэсовцев.

Гимназия обнесена забором из свежестроганных досок. Заглянуть во двор невозможно, но каждый белградец и вся Сербия знают, что там под открытым небом живут сотни и тысячи сербов. Среди них есть и древние старики, едва передвигающие ноги, и матери с детьми всех

возрастов. Молодых людей сюда приводят редко: они бежали в горы, к партизанам. Они сражаются с фашистами за свободу своего народа.

Подполковник Грабер собственноручно подписал приказ, согласно которому каждый, без разрешения выехавший из Белграда, считается партизаном. Отца, мать, детей партизана берут заложниками, и за каждого убитого немца они убивают в пять раз больше детей, женщин и стариков из концентрационного лагеря, находящегося при белградской гимназии на улице Гитлера.

Подполковник Грабер приходит в канцелярию поздно. За завтраком он читает сообщение о боях с партизанами и с немецкой аккуратностью подытоживает, сколько фашистов убито за предыдущий день.

После сытного завтрака Грабер звонит. Ему приносят плетку и вызывают телохранителей. Он отправляется в лагерь выбирать людей для расправы за убитых партизанами фашистов. Никому бы не передоверил он этого дела: здесь он отбирает старика, там по его указке от груди матери отрывают ребенка.

Не всегда, однако, отбор обреченных проходит гладко. Одна старая супружеская чета не хочет расставаться. Они, рыдая, судорожно обнимают друг друга. Их избивают плетью. Подполковник Грабер сам хлещет их и отрывает мужа от жены. Немного поодаль ведут ребенка, а за ним мужчину с деревяжкой вместо ноги. Отобранных, как скот, с побоями гонят к грузовикам, стоящим у ворот. Вчера партизаны убили шестнадцать фашистов, и сегодня восемьдесят ни в чем неповинных сербов должны умереть за

этих шестнадцать извергов. К этому сводится вся работа подполковника Грабера, и за это его грудь увешена орденами.

Гремят по улице грузовики. Обреченных сербов вывезли за город. Их заставляют рыть ров, после чего несчастных выстраивают в шеренгу. Они знают свою судьбу. Все они — дети и старики, женщины и девушки — с высоко поднятой головой, с яркой ненавистью в глазах стоят перед убийцами. Они знают, что все равно завтра и всегда партизаны будут убивать фашистов, пока немецкие завоеватели властвуют на их родине, в Сербии.

Вера Драгича — двадцатилетняя, смуглая, высокая, красивая девушка. Когда почти все юноши и девушки бежали из Белграда в горы к партизанам, Вера еще оставалась дома. Она ухаживала за тяжело больной матерью и тремя малолетними братишками. Отца Веры нет в живых: он пал под Ужице. Он был героем. Вся Сербия знает Марко Драгича. Только фашисты не знали его, иначе они давно бы убили и его жену и всю его немногочисленную семью.

Вера с родными жила неподалеку от концлагеря. Когда истязали заложников, она слышала их вопли, а когда из лагеря увозили на смерть сербов — отцов, матерей, малолетних детей партизан, — она видела их. И, как у каждого серба, в сердце Веры горела неугасимая ненависть к угнетателям сербского народа. Собираясь уйти в партизаны, Вера думала: а что будет с малолетними братишками и беспомощной матерью? Десятки раз выкапывала она зарытое отцом ору-

жие и гранаты и, не решаясь бросить мать и братишек, зарывала обратно.

Вера ходила по улице с опущенными глазами. Люди отворачивались от нее, ибо в Сербии считается предателем каждый, кто способен носить оружие, но трусливо отсиживается дома.

Фашистские палачи подполковника Грабера все более зверски терзали сербов, казнили все больше и больше заложников. И двадцатилетней Вере стало невмоготу. Она знала, какая участь ждет ее мать, ее братишек, но все же готовилась в путь. Мать Веры, сербская мать, уже пожертвовавшая ради свободы своей родины мужем и сыном, не плакала. Прощаясь с дочерью, она лишь с любовью посмотрела на нее и благословила в дальний путь. Но когда на прощанье она привлекла к себе дочь, сердце ее вдруг тревожно затрепетало: у Веры за пазухой были две ручные гранаты.

Простившись с матерью, Вера направилась к дощатому забору. Оглядевшись, она с твердой решимостью вошла в парадное крыльцо соседнего дома. Когда Вера увидела, что часовые, стоящие у подъезда гимназии, берут на-караул, она выбежала из-под укрытия, выхватила из-за пазухи гранату и метко бросила ее прямо под ноги выходявшему из автомобиля Граберу. Вслед за первой гранатой полетела вторая. Вера от имени сербского народа вынесла смертный приговор фашистскому убийце и сама привела его в исполнение.

На миг все вокруг потемнело, высоко взлетел столб земли и пыли. Вера бежала. Перелезая через заборы и огибая развалины домов, она бежала в белградские холмы, к партизанам.

С болью вырвала Вера из своего сердца все, что связывало ее с городом, — мать и братишек: она хорошо знала, что все близкие сербских партизан обречены на гибель. Партизану остается только боевое содружество товарищей и много-страдальная родина, за которую он готов пожертвовать жизнью своей и своих близких.

* * *

Немецкие карательные отряды в составе четырех моторизованных дивизий пришли в соприкосновение с партизанами и теснили их в направлении Шабаца. Каждую деревню, каждый перекресток немцам приходилось брать с боем. Партизаны, не щадя жизни, отстаивали родную землю, заставляя завоевателей дорого платить за нее.

Уничтожая, истребляя все на своем пути, немцы прошли 150 километров, отделяющих Шабац от Белграда. Они стремились достигнуть Шабаца раньше, чем отступающие в четырех направлениях партизаны переправятся через реку Сава. В таком случае немцы заставили бы партизан драться отдельными группами. Этому можно было помешать только при условии, если на некоторое время партизанам удастся удерживать за собой Шабац, и этим дать возможность отдельным партизанским группам соединиться в один отряд. Вот почему Шабац с 15 тысячами жителей стал центром событий. Небольшому партизанскому отряду, защищавшему его, надо было любой ценой удержать город хотя бы на два дня.

Каждый дом, каждая улица превратились в форт. Партизаны и немногочисленные оставшиеся

в Шабаце жители были полны непоколебимой решимости победить или умереть. Так и говорилось в приказе, который накануне сражения был отдан начальником партизанского отряда — белградской девушкой Верой.

* * *

Прошло уже немало времени с тех пор, как Вера покинула Белград. Она успела принять участие во многих столкновениях с захватчиками и каждый раз дралась в первых рядах. Партизаны прониклись к ней уважением и избрали ее начальником своего отряда. Отряд Веры господствовал в окружающих Белград горах и, мстя за страдания сербского народа, со всей силой обрушивался на немецких порабитителей. Вера со своими партизанами не раз проникала даже в самый Белград. И по мере того, как распространялась слава об этом партизанском отряде, разрастался и сам отряд.

Теперь Вера со своими храбрецами-партизанами защищала Шабац. Пять, десять раз немцы пытались навести понтонный мост через Саву, но партизаны срывали все их попытки. Немцам удалось построить мост только на значительном расстоянии от Шабаца. Здесь они переправились через реку и обложили Шабац, взять который им представлялось пустяковым делом. Целая моторизованная дивизия пошла на штурм Шабаца. Но партизаны не отступили ни на шаг. Самое ожесточенное сражение разгорелось вокруг текстильной фабрики «Зора», где текстильщицы — женщины и девушки — отважно сражались вместе с партизанами. Фабрика стала центром боев. Атаку за атакой предпринимали фашисты, но

защитники — партизаны и текстильщики — каждый раз переходили в контратаку и отбивали во много раз превосходившие силы врага. Много было жертв. Но тщетны были все атаки фашистов: защитники Шабача сражались до тех пор, пока оставалась последняя искра жизни. Они не давали врагу пощады и не просили ее сами.

Вера была отважным партизаном. Ее воодушевление и нестигаемая воля передались товарищам. Своей энергией, прозорливостью, своим героическим примером Вера делала все для того, чтобы умелой перегруппировкой сил, укреплением слабых пунктов защищать Шабач.

Третий день шло ожесточенное сражение вокруг текстильной фабрики, и немцам удалось отрезать ее от города. Они вывели из строя пулемет партизан, боеприпасы у защитников фабрики были на исходе, и если бы им срочно не оказать помощи, то фабрика сразу перешла бы в руки фашистов. Но патриоты знали, что пока есть хоть один партизан в Шабаче, их не оставят на произвол судьбы. И они действительно получили подкрепление. По приказу Веры партизаны нагрузили шерстью несколько телег, установили на них пулеметы и, волоча за собою тяжелый груз, поливая немцев пулеметным огнем, прорвали немецкие позиции. Текстильная фабрика получила боеприпасы и могла еще некоторое время держаться.

Но немцы уже подтянули свежие силы. Их тяжелая артиллерия громила Шабач. Каждую ночь город пылал, как факел, но и неделю спустя он еще был в руках партизан. Шли ожесточенные бои за каждую улицу. Вместе с мужчинами с оружием в руках дрались женщины,

дети. Они умирали смертью героев, но город продолжали защищать.

В боях за Шабац погибла и Вера. До последней капли крови, до последнего вздоха она сражалась за отечество, за освобождение Сербии от чужеземного ига.

* * *

Оборона Шабаца стала поворотным пунктом в борьбе сербского народа против немецких захватчиков. Отступившие партизанские группы, переправившись через Саву, соединились в единый мощный партизанский отряд. И в этом немалую роль сыграл отряд Веры, который вместе с жителями Шабаца и текстильщицами с фабрики «Зора» сумел задержать целую немецкую армию.

Борьба в Сербии продолжается. На склонах гор, в глубоких долинах горят тысячи лагерных огней. У костров сидят партизаны. Рокочут гусли, гуслиеры славят героев. Они поют о подвигах белградской партизанки Веры. Вся Сербия, каждый партизан знает, что Вера была самой прекрасной и самой героической партизанкой. Под Шабацем она вела сербский народ в бой против немецких поработителей.

ДЕВЯТЬ ОТВАЖНЫХ

В НОРВЕГИИ идет ожесточенная борьба против фашистских оккупантов. Норвежские патриоты истребляют немецких захватчиков, поджигают их склады, пускают под откос поезда.

Между Кристиансандом и Бергеном под руководством молодого офицера норвежской армии активно действовал отряд «Молодых норвежцев». Этот отряд своей упорной работой и исключительной находчивостью достиг того, что овладел чертежами немецких военных укреплений. Эти важнейшие документы теперь хранились в портфеле начальника отряда «Молодых норвежцев» Арне Петерсена. Но это было полдела. Изъятые у немцев документы нужно было срочно переправить в норвежский генеральный штаб, находящийся в Англии.

Самым подходящим пароходом для поездки в Англию было быстроходное судно «Ольсанд» — гордость норвежского кораблестроения. Это судно находилось в руках фашистов, и захват его был давнишним и заветным желанием «Молодых норвежцев». Теперь, готовясь к поездке в Англию, они задумали попутно осуществить и эту свою мечту. «Молодые норвежцы» решили овладеть судном и, чтобы оно не могло больше служить фашистам, увести его в Англию.

В отряде «Молодых норвежцев» были три моряка, которые в прошлом служили на «Ольсанде» и хорошо знали это судно. Олаф Нерлунд был третьим офицером «Ольсанда», Аксель Эйтвинд и Арвид Форсберг — бывшие помощники машиниста на «Ольсанде». Это значительно облегчало осуществление намеченного плана.

Кроме Арне Петерсена и трех моряков, в смелом предприятии участвовало еще пять человек: молодой учитель Вильгельм Хедберг, слесарь-машинист огромного роста Альф Ларсен, красивая молодая текстильщица Ингрид Симсен, медичка Иетта Даниельсен и ее младший брат

гимназист Иль Даниельсен. Всего девять человек.

Эти девять молодых людей не раз уже совместно участвовали в сложных и опасных операциях, и это надолго сблизило их между собой. Готовясь к захвату парохода, они тщательно разработали и продумали план всех своих действий. Молодые люди твердо договорились, где сядут на пароход, как там «познакомятся» друг с другом и каким образом осуществят захват судна.

Фашисты строго охраняли пароходы. Они были осторожны, потому что норвежские патриоты уже не раз поджигали суда, взрывали их или уводили в Англию. Поэтому, прежде чем пускать норвежцев на пароход, фашисты всегда их обыскивают.

У «Молодых норвежцев», из которых шестеро сели на пароход «Ольсанд» в Осло, а трое в Кристиансанде, ничего подозрительного не нашли: зная о предстоящем обыске, они не взяли с собой оружия.

«Ольсанд» — великолепный морской пароход. Построен он недавно. Мощные винты двигают его с быстротой птицы. Экипаж этого парохода состоит из тридцати человек. Пароход вмещает массу товаров, почту и восемьдесят пассажиров.

Когда фашисты конфисковали «Ольсанд», то весь норвежский экипаж они прогнали и заменили немецким. Большинство пассажиров обычно тоже состояло из немецких солдат. Но на этот раз, кроме них, на пароходе ехало еще около двадцати норвежцев, в числе которых было несколько предателей-квислинговцев. Наши моло-

дые люди по своим удостоверениям тоже были квислинговцами.

Во время продолжительных поездок на пароходах, как обычно, все пассажиры разбиваются на группы и целыми днями бывают вместе. «Молодые норвежцы» тоже создали такую пассажирскую группу. Они собирались в одном из углов средней палубы, смеялись, курили и, хотя их лица и горели от стыда, пели фашистские песни. В то же время «Молодые норвежцы» зорко наблюдали за всем происходившим и внимательно изучали расположение мест на пароходе.

Прежде всего нашим героям необходимо было достать оружие. Задача эта была не из легких, но она не являлась неразрешимой. В двух отделениях парохода, по десяти кают в каждом, ехали немецкие офицеры, у которых было достаточно оружия. Этим оружием и решили завладеть «Молодые норвежцы».

Около часа ночи они тихо пробрались в правое отделение парохода и вторглись прежде всего в каюту обслуживающего персонала. Четверо норвежских служанок без всякого сопротивления передали им все ключи и даже предлагали свою помощь. Но «Молодые норвежцы» отказались от помощи и во избежание всяких неприятностей закрыли весь обслуживающий персонал в их каюте.

По соседству находилась каюта немецкого подполковника. Текстильщица Ингрид Симсен, выдавая себя за служанку парохода, постучала к нему. Дверь открылась. Вместе с Ингрид в каюту вошли Арне Петерсен и Альф Ларсен. Подполковник был смущен этим неожиданным

посещением, — он не знал, что и подумать. Но много размышлять ему и не пришлось. Инград Симсен со всей силой ударила подполковника куском железа по голове, и фашист был убит.

У него было два револьвера, которыми «Молодые норвежцы» и воспользовались. Теперь они, уже вооруженные, отправились в другие каюты.

С помощью полученных от служанок ключей «Молодые норвежцы» открывали одну каюту за другой и с револьверами в руках неожиданно появлялись перед фашистами. Они обыскивали их, забирали оружие, а самих отправляли в каюту подполковника. Здесь, перед закрытой дверью, на посту стоял Вильгельм Хедберг.

Таким образом «Молодые норвежцы» быстро овладели правым отделением парохода и забрали у офицеров много оружия и три ручные гранаты.

Левым отделением парохода они овладели еще быстрее. Неожиданно очутившись с глазу на глаз перед вооруженными людьми, фашисты в испуге поднимали руки и сдавали оружие. И так все офицеры были разоружены и взяты под стражу.

Теперь предстояло разоружить пассажиров двух больших общих залов. В зал № 1 сначала вошли девушки. В течение дня некоторые из фашистов познакомились с ними, и можно было рассчитывать, что их появление не вызовет особого подозрения.

Девушки шли на выполнение своего задания с гордым сознанием опасности и важности порученного дела. Величава и прекрасна была светловолосая Ингрид. Рядом с ней худощавая медичка Иетта казалась ребенком.

Вслед за девушками в зал пассажиров вошли и юноши.

Там было около двадцати немецких солдат и несколько норвежцев. Все они, за исключением трех, спали. «Молодые норвежцы» под угрозой оружия скомандовали этим трем: «Руки вверх!» и разоружили их. Затем одного за другим будили спящих и, приставив к виску дуло револьвера, заставляли их молча сдавать оружие. Перепуганные фашисты не оказывали никакого сопротивления.

Трофеями были двенадцать винтовок, несколько револьверов, много патронов и целая куча ручных гранат. Имея столько оружия, «Молодые норвежцы» уже вполне могли рассчитывать на успех своего дела.

Чтобы ограничиться одним часовым, они всех арестованных офицеров из каюты подполковника перевели в зал. Перед дверями с гранатой и револьвером в руках опять встал Вильгельм Хедберг.

Молодые патриоты теперь отправились в зал № 2. Фашисты здесь оказались такими же трусами, как и всюду. Эти «герои» были храбры с безоружным норвежским народом. А теперь, испугавшись, они сбились в кучу, как бараны, и сдались без единого слова. В офицерских каютах и двух залах было арестовано 67 человек.

Таким образом, взятие «Ольсанда» шло, как в приключенческом фильме. Но на этом дело еще не кончилось. Предстояла задача более сложная по сравнению с тем, что было сделано. Нужно было захватить палубу, капитанский мостик, машинное отделение и помещение эки-

пажа. Распоряжения отдавал Арне Петерсен, начальник маленького отряда. Действия «Молодых норвежцев» должны быть быстры, внезапны и решительны.

Применения оружия «Молодые норвежцы» старались, пока это возможно, избегать. И им удалось ряд пассажиров, а также матросов незаметно и спокойно отправить с палубы в зал № 1. Но вот один из матросов поднял шум, пытаясь оказать сопротивление. Арвид Форсберг вынужден был прибегнуть к оружию. Матрос был убит.

Поднялась паника. Офицеры экипажа и матросы прибежали на выстрел. Началась перестрелка.

Арне Петерсен и Альф Ларсен в это время атаковали капитанский мостик, а Аксель Эйтвинд и Олаф Нерлунд прикрывали вход в машинное отделение и в коридор экипажа, ведя в то же время борьбу за палубу.

Иль Даниельсен и обе девушки, с гранатами и револьверами в руках, теснили к носу корабля людей, находившихся на палубе.

Арвид Форсберг сорвал дверь склада. Он все подготовил к тому, чтобы в случае поражения взорвать пароход вместе с его командой и пассажирами. «Молодые норвежцы» решили в случае неудачи лучше погибнуть, чем оказаться пленниками фашистов.

Борьба за капитанский мостик развернулась отчаянная. Хотя нападение на капитана произошло совершенно для него неожиданно, он успел схватиться за оружие и упорно защищался. В этой борьбе был смертельно ранен Альф Ларсен. Но этот отважный юноша собрал последние

силы и, приподнявшись, из автоматического ружья застрелил капитана и его помощника. В тот же момент Арне Петерсен пристрелил рулевого. Капитанский мостик был свободен, и Арне Петерсен поспешил на помощь другу, но молодой герой, славный сын норвежского народа, Альф Ларсен был уже мертв. Петерсен присоединился теперь к тем, кто дрался за палубу.

Собравшиеся на носу корабля фашисты отчаянно сопротивлялись. Но напрасно. Хотя они численно и превосходили «Молодых норвежцев», но у них нехватало оружия и почти не было патронов. Фашисты сдались. На их стороне было немало убитых и раненых. Но уменьшалось и число борцов за свободу. Ингрид Симсен пала в этом бою смертью храбрых. Отважная девушка боролась до последнего вздоха и, даже умирая, крепко сжимала в руках оружие.

Смерть товарищей была страшным горем для «Молодых норвежцев», но предаваться унынию было не время. Нужно продолжать борьбу. В руках фашистов еще оставалось машинное отделение и помещение экипажа.

Олаф Нерлунд и Аксель Эйтвинд до этого имели задание закрыть вход в эти два отделения парохода. Это имело большое значение, так как матросы машинного отделения и отдохавшая часть экипажа могли бы оказать помощь фашистам, дравшимся на палубе. Теперь положение изменилось. «Молодые норвежцы», расправившись с основной частью команды, все вместе бросились сюда.

Олаф Нерлунд, Аксель Эйтвинд и Арвид Форсберг, которые уже ранее служили на «Ольсанде», знали каждый уголок корабля. Рискуя

жизнью, они спустились в машинное отделение через люк, служащий для подачи материалов, с тем чтобы напасть на фашистов с тыла.

Проходили тяжелые секунды ожидания. Арне Петерсен, Иетта Даниельсен и Иль Даниельсен, охранявшие лестницу, стали уже беспокоиться за своих товарищей и за успех всего дела. Наконец раздались выстрелы. Они служили сигналом, по которому им нужно было спуститься по лестнице и загородить выход из машинного отделения и коридора экипажа.

Фашисты очутились теперь между двух огней. На них сыпались пули и гранаты. Потери их были велики. В узком коридоре все были либо убиты, либо тяжело ранены. Но в этом бою были тяжело ранены Олаф Нерлунд и Иль Даниельсен. Был ранен в руку и Арне Петерсен.

Но «Молодые норвежцы» все же овладели «Ольсандом».

Аксель Эйтвинд и Арвид Форсберг в машинном отделении чувствовали себя, как дома, и через несколько минут всё привели в порядок. Но Олаф Нерлунд, который должен был управлять пароходом, лежал в одной из кают смертельно раненный. Иетта не отходила от него. Она оказывала ему медицинскую помощь, но это лишь несколько облегчило страдания, но не могло его спасти. Олаф Нерлунд доживал последние минуты.

Управлять судном было некому. Лишенный капитана и рулевого, пароход, потеряв управление, бесцельно бороздил океан. Тогда Арне Петерсен, сам измученный своей раной и еле державшийся на ногах, обнял своего друга и стал просить его собрать последние силы и по-

вести «Ольсанд». Еле живой, Олаф Нерлунд, этот замечательный герой-патриот, имя которого вечно будет жить в истории освободительной борьбы норвежского народа, велел вынести себя на капитанский мостик и, лежа на носилках, отдавал необходимые распоряжения. «Ольсанд» взял курс и с предельной скоростью помчался к английским берегам.

«Молодые норвежцы» работали безустали. Им помогали норвежские служанки и некоторые норвежские пассажиры.

Под вечер «Ольсанд», приближаясь к английским берегам, поднял белый флаг. Над ним летали английские самолеты, затем его задержали военные корабли и доставили в Англию.

История захвата судна «Молодыми норвежцами» стала известна в Англии из донесений военных кораблей еще до того, как «Ольсанд» подошел к берегу. Англичане устроили торжественную встречу молодым героям.

Павших героев — белокурую текстильщицу Ингрид, слесаря-великана Альфа и отважного капитана Олафа, который так и умер на капитанском мостике «Ольсанда», — похоронили с военными почестями. Их тела были покрыты норвежскими национальными флагами.

Арне Петерсен и Иль Даниельсен были отправлены в госпиталь.

Иетта Даниельсен осталась ухаживать за своими ранеными товарищами, а Аксель Эйтвинд, Арвид Форсберг и Вильгельм Херберг поехали в Лондон и доставили в норвежский генеральный штаб чертежи немецких военных укреплений в Норвегии.

MAR 1844

1841

Цена 1 руб.

